

АДЕРКАС АНТОН МАКСИМОВИЧ

бакалавр психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии
и социальной работы, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета,
akornakoff@gmail.com

ANTON M. ADERKAS

Graduate of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
Master's Degree Student at Saint Petersburg State University

УДК 159.9

ПОДРОСТКОВАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ И АГРЕССИВНОСТЬ ВНУТРИ СЕМЬИ. РОЛЬ СТИЛЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ

THE ROLE OF PARENTS' ATTITUDE STYLE IN THE MANIFESTATION OF ADOLESCENT AGGRESSION AND CONFLICT BEHAVIOUR WITHIN A FAMILY

Аннотация. Автор анализирует истоки внутрисемейной конфликтности и агрессивности подростков. Рассматриваются факторы и причины таких конфликтов. Описаны результаты исследования проявлений подростковой агрессивности и ее связи со стилем детско-родительских взаимоотношений. Представлены рекомендации для родителей.

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of intra-family conflict and aggressiveness in adolescents. Factors and causes of the conflict behaviour in adolescents are considered. The results of the study of the manifestation of adolescent aggression and its connection to the style of parent-child relationships are described. Based on the results the author identifies the most destructive features of child-parent relationships. Recommendations for parents are presented.

Ключевые слова: конфликтность, агрессивность, подростковый возраст, детско-родительские взаимоотношения.

KEYWORDS: conflict behaviour, aggressiveness, adolescence, parent-child relationships.

Как правило, в семьях с подростками наблюдается значительное увеличение проблем во взаимоотношениях детей с родителями и учащение конфликтов. В этот период семьи особенно остро нуждаются в профессиональной психологической помощи и обращаются к специалистам. Наряду с этим следует отметить недостаточное количество исследований, посвященных данной теме.

Анализ литературы позволил сделать вывод, что в основном детско-родительские конфликты являются отражением внутренней противоречивости развития подростков [6, с. 77–82].

Например, Т.Г. Яничева и М.В. Мансурова отмечают противоречия между социальным и когнитивным уровнем компетентности ребенка, противоречия между его мотивами, с одной стороны, и системой взаимодействия в семье — с другой. Кроме того, они рассматривают характер отношений между поколениями в семьях, зачастую углубляющий эти противоречия [10, с. 181–186].

В сущности, детско-родительские конфликты неизбежны в момент взросления и приобретения автономии ребенком. Также они могут быть отражением неразрешившегося возрастного кризиса или же показателем искажений в развитии ребенка

(например, при формировании эгоцентрической или демонстративной личности) [5, с. 207–208].

Не столько причинами, сколько факторами, влияющими на детско-родительские конфликты, являются: дисгармоничность внутрисемейных супружеских отношений, деструктивность семейного воспитания, нормативные возрастные кризисы детей и личностные особенности самих родителей.

Ф. Райс и К. Долджин выделяют пять областей жизни подростка, в которых могут корениться причины конфликтов:

1. Социальная жизнь и привычки (выбор друзей и партнеров, досуг и хобби, время, когда нужно приходиться домой и ложиться спать, выбор одежды и т.п.).

2. Ответственность подростков (помощь по хозяйству, получение и расход подростком денег, бережное отношение к своим и чужим вещам и т.п.).

3. Школа и обучение (успеваемость, посещаемость занятий, отношение к учебе и учителям, поведение в школе).

4. Взаимоотношения в семье (инфантильное поведение подростков, неуважение к членам семьи, ссоры с родственниками, стремление к автономии или иждивенчеству).

5. Социальные договоренности (курение и другие вредные привычки, языковые обороты и ругательства, используемые в речи, сексуальная жизнь подростков, неумение избегать неприятностей, нарушения закона, игнорирование конфессиональных традиций семьи) [9, с. 441–443].

Надо заметить, что Ф. Райс указывает на то, что у родителей и подростков редко возникают разногласия по поводу основных морально-этических ценностей и чаще — по поводу поведения, принято в среде подростка и неприемлемого у взрослых.

Основную же причину конфликтов между родителями и подростками исследователи видят в различии их взглядов. «С высоты своего жизненного опыта родителям кажется, что дети слишком наивны, глупы, неосторожны и, как следствие, неспособны осознать ошибки, которые совершают. Родители боятся, что дети попадут в аварию, поранятся, ввяжутся в конфликт с законом. Подросткам же, напротив, кажется, что родители чересчур осторожны и тревожатся без причины» [9, с. 439].

Л. И. Божович подростковый возраст определен как отдельная от детства и взрослости стадия. На сегодняшний день эта теория доминирует. По ней, подросток находится в положении, схожем с положением маргиналов. Он, с одной стороны, не хочет, чтобы его соотносили с сообществом детей, а с другой — знает, что он еще не является взрослым.

Характерные черты такой подростковой маргинальности — чувствительность и эмоциональная неустойчивость, агрессивность и застенчивость, высокое эмоциональное напряжение и сильная конфликтность с окружающими. Подросток противоречив, он одновременно стремится к эмансипации и при этом очень подвержен чужому влиянию. Он может быть грубым и резким с родителями и остро нуждаться в их одобрении и принятии. Подросток может по-разному прореагировать на отношении взрослых, но наиболее характерна, по мнению Л. И. Божович, реакция эмансипации, которая выражается в стремлении подростка к независимости, желании отстоять свое право на самостоятельную жизнь. И чем позднее оно проявляется, тем более бурно протекает. Другой реакцией может быть агрессивное поведение [1, с. 228–229].

Л. С. Выготский также обращает внимание на противоречивость подросткового возраста. С одной стороны, это возраст, когда ребенок вляется в культуру взрослых, происходит его социализация, с другой — время индивидуализации ребенка, когда он открывает и утверждает уникальность своего «я» [2].

Таким образом, основные причины увеличения частоты детско-родительских конфликтов в подростковом возрасте кроются в потребности эмансипации детей. Различие взглядов, неизбежно присутствующее между подростками и их родителями, провоцирует возникновение конфликтов, а такие факторы, как непоследовательность родителей в выборе методов воспитания или неконструктивные стили детско-родительских отношений, усиливают их. Зачастую у подростков проявляется повышенная агрессивность.

Рассматривая типичные способы разрешения конфликтных ситуаций в семье, Ю. Б. Гиппенрейтер выделяет два наиболее неконструктивных, обозначив их «выигрывает только один». В первом случае «выигрывает только родитель»: жестко или же мягко, но навязывается решение родителя, без внимания к интересам ребенка. Во втором случае «выигрывает только ребенок»: родители постоянно идут на уступки детям, жертвуя своими интересами. В противоположность вышеуказанным способам автор предлагает конструктивный вариант «выигрывают обе стороны: и родитель, и ребенок», при котором их интересы не притесняются, а решение устраивает обе стороны [3, с. 25–38].

Нами проведено исследование взаимосвязей между стилями родительского отношения и особенностями проявления подростковой агрессивности в ходе конфликтов.

С этой целью использовались следующие методы и методики:

- методика «Родителей оценивают дети» (РОД) Э. Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса в модификации для детей и подростков И. А. Фурманова и А. А. Аладына [7, с. 238];

- методика «Подростки о родителях» (ADOR/ПОР) в адаптации Л. И. Вассермана [4, с. 640–652];

- методика «Опросник родительского отношения» (ОРО) А. Я. Варги и В. В. Столина [8, с. 451–453];

- методика «Опросник агрессивности и враждебности» А. Басса и Э. Дарки (BDNI) в адаптации для детей и подростков Г. А. Цукерман [8, с. 174];

- коэффициент ранговой корреляции Спирмена для определения наличия или отсутствия взаимосвязей в результатах эмпирического исследования.

Исследование проводилось в Центре социальной помощи семье и детям Невского района Санкт-Петербурга. В исследовании приняли участие 44 полные семьи.

Было опрошено 45 подростков от 13 до 16 лет. Из них 24 девушки и 21 юноша, двое из которых являются сиблингами. Тестирование прошли и 44 родителя (матери этих подростков), возраст — от 31 до 47 лет.

Образование матерей: семь человек (16%) — среднее, десять человек (23%) — среднее специальное, девять человек (20%) — незаконченное высшее, 18 человек (41%) — высшее.

Итак, гиперпротекция была выявлена у десяти (22%) подростков, гипопротекция у четырех (9%), потворствование у 14 (31%), игнорирование потребностей ребенка у трех (7%), чрезмерность обязанностей у шести (13%), недостаточность обязанностей у четырех (9%), чрезмерность запретов у двух (4%), недостаточность запретов у 16 (35%), чрезмерность санкций у двух (4%), недостаточность санкций у шести (13%), неустойчивость стили воспитания у четырех (9%) подростков.

Причины, вызывающие неприятие подростками родителей, представлены в виде диаграммы (рис. 1).

Результаты опроса по методике «Родителей оценивают дети» (РОД)

Название шкал	Верхняя граница нормы	Средний балл по выборке	Среднее квадратичное отклонение
Гиперпротекция (Г+)	5	5,23	2,351
Потворствование (У+)	4	4,23	2,006
Гипопротекция (Г-)	6	4,23	2,386
Фобия утраты ребенка (ФУ)	6	4,23	1,092
Расширение сферы родительских чувств (РРЧ)	6	3,85	1,519
Неустойчивость стиля воспитания (Н)	4	3,54	1,05
Минимальность санкций (С-)	3	2,69	1,032
Проекция на ребенка собственных качеств (ПНК)	3	2,54	1,266
Чрезмерность требований-обязанностей (Т+)	3	2,54	0,776
Недостаточность требований-запретов (З-)	2	2,23	1,235
Вынесение конфликта в сферу воспитания (ВК)	3	1,92	1,256
Недостаточность требований-обязанностей (Т-)	3	1,92	1,605
Воспитательная неуверенность родителя (ВН)	2	1,85	1,068
Игнорирование потребностей ребенка (У-)	3	1,85	1,345
Чрезмерность требований-запретов (З+)	3	1,77	1,235
Неразвитость родительских чувств (НРЧ)	6	1,69	2,359
Чрезмерность санкций (С+)	3	1,46	0,967
Предпочтение в подростке детских качеств (ПДК)	3	1,46	1,506

Среди причин, вызывающих неприятие подростками родителей, было выявлено: у 12 родителей — воспитательная неуверенность (25%), у шести — вынесение их супружеских конфликтов в сферу воспитания (12%), у восьми — проекция на подростка собственных нежелательных качеств (17%), у двух — предпочтение у подростков детских качеств (4%); у двух — фобия утраты и неразвитость родительских чувств (4%). Расширения сферы родительских чувств среди ответов опрошенных не было.

У подростков также были обнаружены признаки негармоничного воспитания в шести семьях: в четырех случаях — потворствующей гиперпротекции и в двух — доминирующей гиперпротекции.

Со стороны матерей среди опрошенных наименее часто встречаются: директивность (высокое значение у четырех (8%), низкое у 15 (67%)),

фактор критики (высокое значение у четырех (8%), низкое у 34 (75%)) и враждебность (высокое значение у шести (13%), низкое у 26 (58%)).

Наиболее часто выделяются фактор близости (высокое значение у 30 (67%), низкое у шести (13%)), позитивный интерес (высокое значение у 24 (53%), низкое у шести (13%)) и автономность (высокое значение у 26 (58%), низкое у 14 (31%)).

Со стороны отцов реже всего встречаются: фактор критики (высокое значение у четырех (8%), низкое у 20 (44%)), директивность (высокое значение у 10 (22%), низкое у 24 (53%)) и враждебность (высокое значение у 24 (53%), низкое у 32 (71%)).

Наиболее частотны фактор близости (высокое значение у 32 (71%), низкое у 12 (26%)), позитивный интерес (высокое значение у 34 (75%), низкое у 10 (22%)) и автономность (высокое значение у 20 (44%), низкое у восьми (18%)).

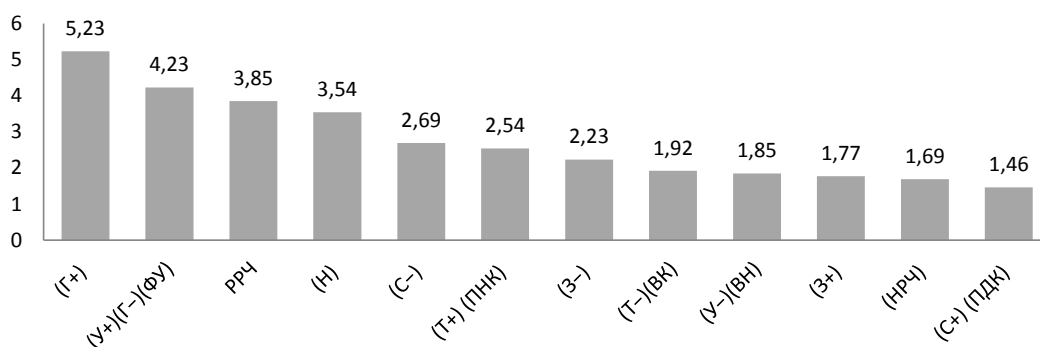

Рис. 1. Причины неприятия подростками родителей (РОД)

Результаты опроса по методике «Подростки о родителях» (ADOR/ПОР)

Название шкалы	Норма	Отношение матери, средний балл	Отношение матери, среднее квадратичное отклонение	Отношение отца, средний балл	Отношение отца, среднее квадратичное отклонение
Шкала позитивного интереса	3	3,92	0,954	3,77	1,166
Шкала директивности	3	2,46	1,198	2,69	1,109
Шкала враждебности	3	2,31	1,182	2,38	1,121
Шкала автономности	3	3,46	0,967	3,46	0,776
Шкала непоследовательности	3	3,31	0,855	3,15	0,899
Фактор близости	3	4,08	0,862	3,85	1,214
Фактор критики	3	2,31	1,032	2,62	0,650

Кроме того, примерно у четверти опрошенных отмечается непоследовательность стилей отношения со стороны одного или обоих родителей, что подтверждается результатами опроса по предыдущей методике.

Итоги изучения отношения к подростку матери и отца представлены на рис. 2 и 3 соответственно.

Как мы видим, подростки оценивают отношение со стороны матери следующим образом:

- на первом месте стоит фактор близости;
- на втором — позитивный интерес;

• на третьем — результаты по шкалам автономности и непоследовательности;

- на четвертом — директивности и враждебности;
- на последнем — фактор критики.

В отношениях к подростку со стороны отца наблюдается та же тенденция, правда, баллы здесь незначительно ниже.

По результатам исследования было выявлено, что наиболее распространенными являются отношения «кооперации» (высокие показатели у 22 (48%), низкие не выявлены) и «симбиоза» (высокие показатели у 16 (35%), низкие у двух (4%).

Что касается отношения «маленький неудачник», то такого варианта не выявлено (высокие значения отсутствуют, низкие значения у всех

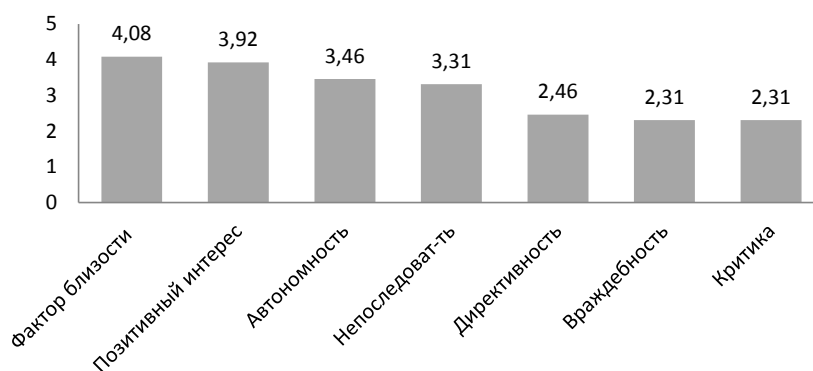

Рис. 2. Отношение к подростку со стороны матери (средние баллы)

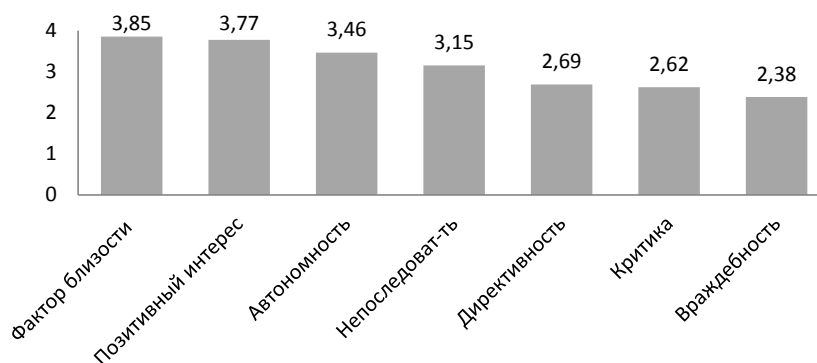

Рис. 3. Отношение к подростку со стороны отца (средние баллы)

Родительское отношение (ОРО)

Название шкалы	Норма	Средний балл	Среднее квадратичное отклонение
«Принятие — отвержение»	9–23	10,77	1,092
«Кооперация»	3–6	5,54	1,198
«Симбиоз»	3–5	4,46	1,198
«Авторитарная гиперсоциализация»	3–5	2,85	1,405
«Маленький неудачник»	3–6	1,31	0,480

Табл. 4

Агрессивность и враждебность подростков (BDHI)

Название шкалы	Норма	Среднее значение	Среднее квадратичное отклонение
Физическая агрессия	2–3	2,92	1,847
Косвенная агрессия	2–3	2,77	1,092
Раздражение	2–3	2,69	1,316
Негативизм	2–3	3,31	1,494
Обидчивость	2–3	2,54	1,330
Подозрительность	2–3	2,23	1,423
Вербальная агрессия	2–3	2,46	1,506
Чувство вины	2–3	2,92	0,954

45 опрошенных матерей (100%), редко встречается «авторитарная гиперсоциализация» (высокие показатели у одного (2%), низкие — у 18 (40%).

Заметим, что все респонденты получили средние показатели по шкале «принятие — отвержение». Можно сказать, что среди опрошенных родителей нет ярких проявлений в принятии или отвержении своих детей. Такие средние значения скорее всего указывают на восприятие ребенка как одного, но не единственного из аспектов своей жизни. Отсутствие отношения «маленький неудачник» подтверждается результатами первого опроса, иными словами, тенденции к инфантилизации ребенка нет.

Примерно половина опрошенных придерживается довольно конструктивного отношения

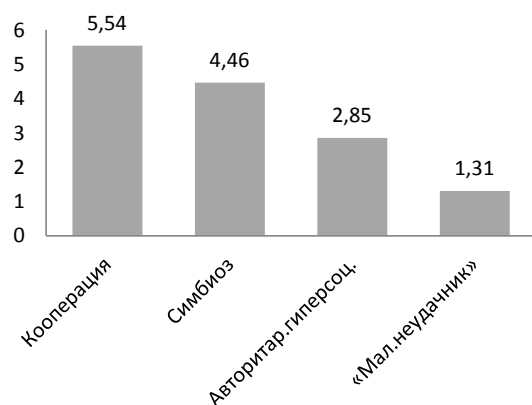

Рис. 4. Родительское отношение (средние баллы)

«кооперация», которое способствует развитию самостоятельности у ребенка.

Результаты оценки родительского отношения показаны на рис. 4.

По средним баллам в выборке у родителей понятно, что преобладает стиль «кооперация» (среднее значение 5,54 балла), на втором месте — «симбиоз» (среднее значение 4,46 балла), на третьем и четвертом — «авторитарная гиперсоциализация» (среднее значение 2,85 балла) и «маленький неудачник» (среднее значение 1,3 балла) соответственно.

Согласно результатам исследования, среди опрошенных подростков в диапазоне высоких значений наиболее часто встречаются следующие проявления агрессивности: негативизм у 18 (40%) и физическая агрессия у 14 (31%); наименее распространены косвенная агрессия (у шести (13%)) и подозрительность (тоже у шести (13%)).

Что ж, вполне предсказуемо: негативизм — один из самых «подростковых» видов агрессии, неотъемлемый спутник реакции эмансипации, оппозиционная манера поведения подростка. А высокая частота проявления физической агрессии у опрошенных может быть следствием неконструктивных стилей родительского отношения.

Результаты оценки агрессивности и враждебности подростков представлены на рис. 5.

Для анализа взаимосвязей между проявлениями агрессии и особенностями стилей детско-родительского отношения был использован метод корреляционного анализа. Рассчитывались коэффициенты корреляции Спирмена (обозначены буквой «r»), вычисления проводились при помощи программы *IBMSPSSStatistics 23*.

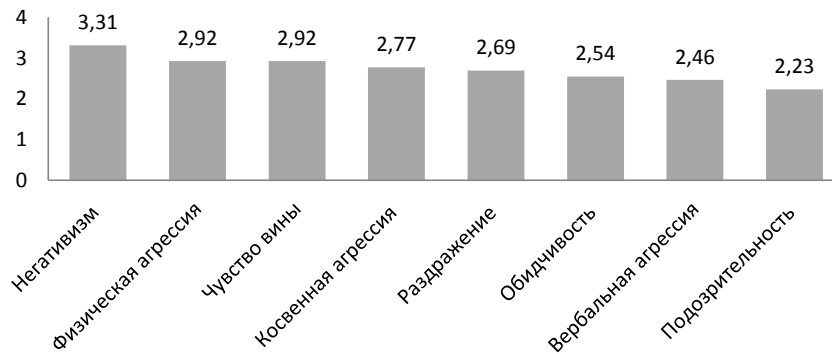

Рис. 5. Агрессивность и враждебность подростков (средние баллы)

Графически выявленные взаимосвязи отображены на корреляционных плеядах (рис. 7–14).

Итак, были обнаружены следующие взаимосвязи.

Проявление физической агрессии на уровне значимости $p < 0.01$ положительно коррелирует с показателями гипопротекции (Г–). На уровне значимости $p < 0.05$ положительно коррелирует с показателями гиперпротекции (Г+), недостаточности требований-запретов (З–), минимальности санкций (С–), а также шкалами непоследовательности воспитательных мер со стороны отца (НО) и со стороны матери (НМ).

Проявление косвенной агрессии на уровне значимости $p < 0.01$ положительно коррелирует с показателями недостаточности требований-обязанностей (Т–) и гипопротекции (Г–). На уровне $p < 0.05$ положительно коррелирует с показателями чрезмерности требований-запретов (З+), проекцией на ребенка собственных качеств (ПНК), шкалой автономности со стороны отца (АО), шкалой непоследовательности воспитательных мер со стороны отца (НО) и показателями шкалы «маленький неудачник» (МН). Отрицательно коррелирует на уровне $p < 0.01$ с фактором критики со стороны отца (КО) и на уровне $p < 0.05$ с фактором директивности отца (ДО).

Проявление раздражения на уровне значимости $p < 0.01$ положительно коррелирует с показателем непоследовательности воспитательных мер со стороны отца (НО). На уровне $p < 0.05$ положительно коррелирует с показателями гиперпротекции (Г+) и гипопротекции (Г–), отрицательно коррелирует на уровне $p < 0.05$ с чрезмерностью требований-обязанностей (Т+) и показателем близости со стороны отца (БО).

Проявление негативизма на уровне значимости $p < 0.05$ положительно коррелирует с показателями гипопротекции (Г–) и шкалой автономности отца (АО). Отрицательно коррелирует на уровне $p < 0.01$ с чрезмерностью требований-обязанностей (Т+).

Проявление обидчивости на уровне значимости $p < 0.01$ положительно коррелирует с показателями проекции на подростка собственных нежелательных качеств (ПНК) и автономности отца (АО). На уровне $p < 0.05$ положительно коррелирует с показателями гиперпротекции (Г+), недостаточности

требований-обязанностей ребенка (Т–), чрезмерности требований-запретов (З+), расширением сферы родительских чувств (РРЧ), а также шкалами директивности матери (ДМ) и непоследовательности воспитательных мер со стороны матери (НМ). Отрицательно коррелирует на уровне $p < 0.05$ с показателем критики отца (КО).

Проявление подозрительности на уровне значимости $p < 0.01$ положительно коррелирует с показателями недостаточности требований-обязанностей ребенка (Т–) и шкалой враждебности со стороны матери (ВМ). На уровне $p < 0.05$ положительно коррелирует с показателями проекции на подростка собственных нежелательных качеств (ПНК), автономности отца (АО) и шкалой «авторитарной гиперсоциализации» (АГ).

Проявление вербальной агрессии на уровне значимости $p < 0.01$ положительно коррелирует с показателями гипопротекции (Г–), непоследовательности воспитательных мер со стороны отца (НО) и автономности со стороны отца (АО).

На уровне значимости $p < 0.05$ положительно коррелирует с показателями недостаточности требований (З–), минимальности санкций (С–), неустойчивости стиля воспитания (Н) и проекции на ребенка собственных качеств (ПНК). А также отрицательно коррелирует на уровне $p < 0.01$ с чрезмерностью требований-обязанностей (Т+).

Проявление чувства вины на уровне значимости $p < 0.05$ положительно коррелирует с показателями расширения сферы родительских чувств (РРЧ) и гипопротекции (Г–), а также отрицательно коррелирует на уровне $p < 0.05$ с позитивным интересом матери к ребенку (ПИМ).

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что уменьшить степень проявления агрессивности удастся, если изменить указанные особенности родительского отношения к подросткам в семье. Начать надо с самых деструктивных — тех, которые усиливают степень проявления сразу нескольких форм агрессивности. В первую очередь это гипопротекция (Г–), влияющая на физическую, косвенную, вербальную агрессию, раздражение, негативизм и чувство вины у подростков. Также это автономность со стороны отца (АО), воздействующая на косвенную и вербальную агрессию, негативизм, обидчивость, подозрительность. Проекция на подростка собственных нежелательных качеств

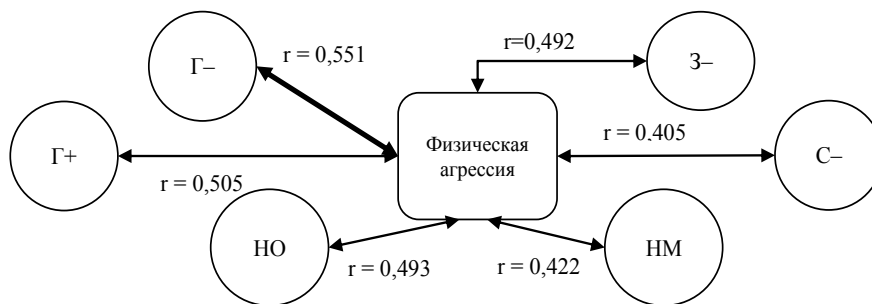

Рис. 6. Характеристика взаимосвязей между проявлением физической агрессии и особенностями стилей детско-родительского отношения

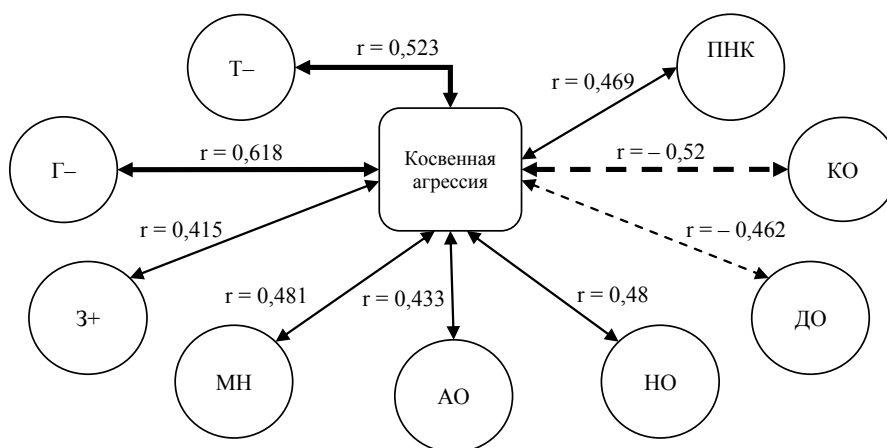

Рис. 7. Характеристика взаимосвязей между проявлением косвенной агрессии и особенностями стилей детско-родительского отношения

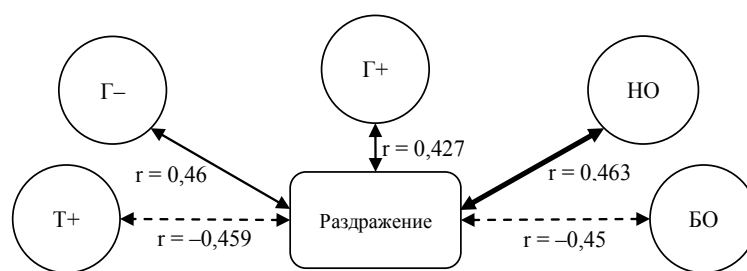

Рис. 8. Характеристика взаимосвязей между проявлением раздражения и особенностями стилей детско-родительского отношения

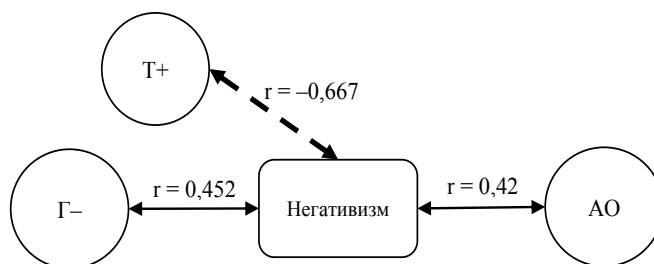

Рис. 9. Характеристика взаимосвязей между проявлением негативизма и особенностями стилей детско-родительского отношения

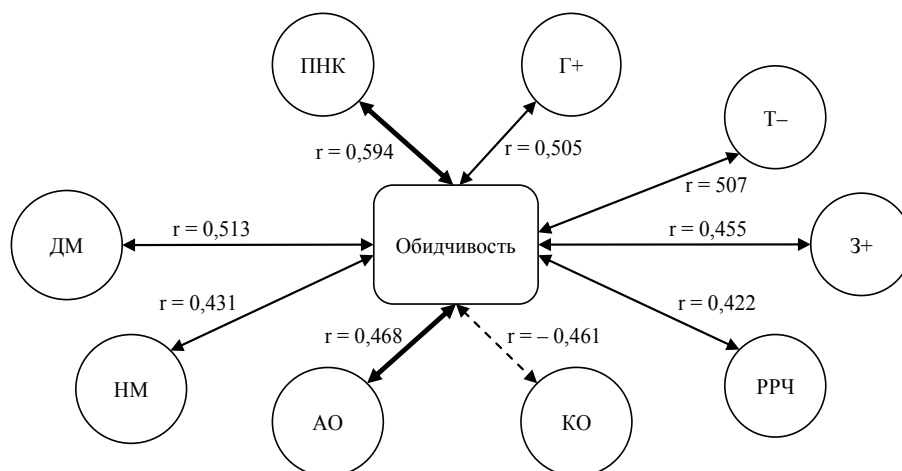

Рис. 10. Характеристика взаимосвязей между проявлением обидчивости и особенностями стилей детско-родительского отношения

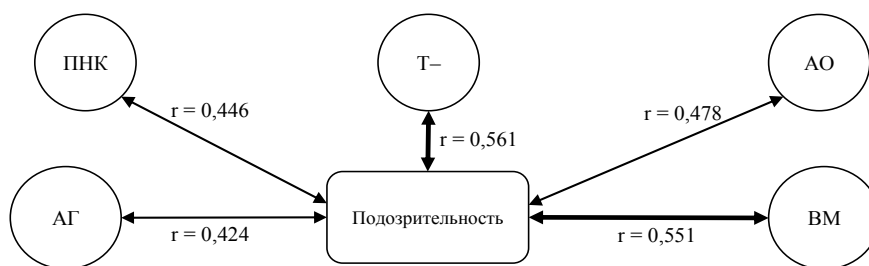

Рис. 11. Характеристика взаимосвязей между проявлением подозрительности и особенностями стилей детско-родительского отношения

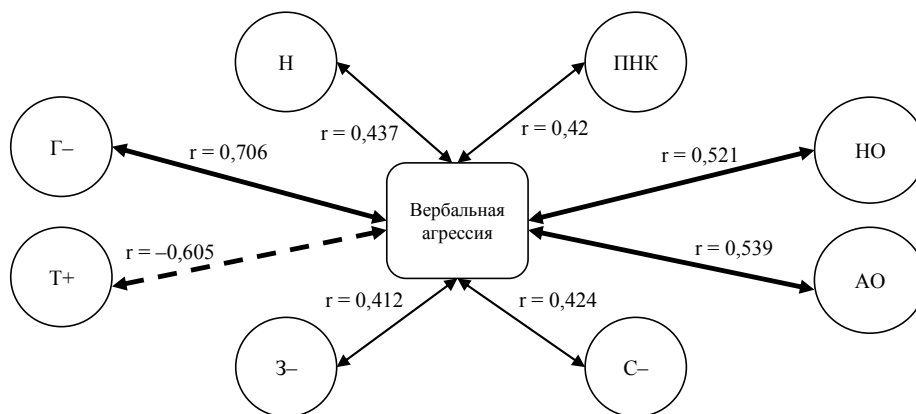

Рис. 12. Характеристика взаимосвязей между проявлением вербальной агрессии и особенностями стилей детско-родительского отношения

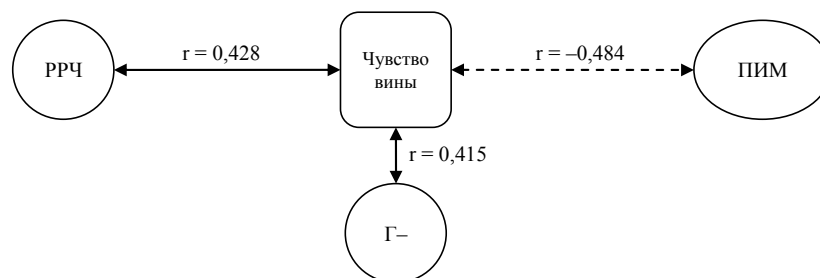

Рис. 13. Характеристика взаимосвязей между проявлением чувства вины и особенностями стилей детско-родительского отношения

(ПНК) оказывает влияние на косвенную и вербальную агрессию, обидчивость, подозрительность.

Сюда же нужно отнести и непоследовательность со стороны отца (НО), сказывающуюся на физической, косвенной и вербальной агрессии, раздражении. Надо заметить, что непоследовательность со стороны матери менее деструктивна и влияет одновременно на физическую агрессию и обидчивость.

Здесь стоит особо выделить показатель «чрезмерность требований-обязанностей» (Т+). Он связан со снижением сразу нескольких проявлений агрессивности — раздражение, негативизм и вербальная агрессия, и в рамках нашего исследования можно говорить в данном случае о конструктивном значении.

На основании проведенного исследования нами составлены рекомендации родителям:

Научитесь избегать наиболее деструктивных стилей родительского отношения к подростку. В первую очередь ситуации гипопротекции (уделяйте ребенку необходимое внимание). Не допускайте проекции на подростка собственных нежелательных качеств, и если такая тенденция есть, то постарайтесь избавиться от этого, в том числе с помощью специалиста. Не должно быть автономности, эмоциональной отгороженности родителей от детей и непоследовательности в действиях. Лучше длительное время придерживаться одного воспитательного метода, нежели переходить от одного к другому, это мешает ребенку предвидеть реакцию родителей и оказывает на него деструктивное воздействие.

Исходя из этого основными направлениями профилактики конфликтов родителей с подростками могут быть следующие:

1. Повышение психологической культуры родителей, позволяющей учитывать возрастные психологические особенности детей, их эмоциональные состояния.
2. Организация коллективной деятельности всех членов семьи. Общие перспективы, определенные трудовые обязанности, традиции взаимопомощи, совместные увлечения, которые будут служить основой выявления и разрешения возникающих противоречий.
3. Подкрепление словесных требований обязательствами воспитательного процесса.
4. Интерес к внутреннему миру детей, их заботам и увлечениям.

В соответствии с этим можно дать следующие рекомендации:

1. Прежде чем вступать в конфликт с детьми, подумайте над тем, какого результата вы хотите добиться.
2. Утвердитесь в том, что результат для вас действительно важен.
3. В конфликте признавайте не только свои интересы, но и интересы подростка.
4. Соблюдайте этику поведения в конфликтной ситуации, решайте проблему, а не сводите счеты.
5. Будьте тверды и открыты, если убеждены в своей правоте.

6. Заставьте себя слышать доводы своих детей.

7. Не унижайте и не оскорбляйте подростка, чтобы потом не мучиться раскаянием.

8. Будьте справедливы и честны в конфликте, не жалейте себя.

9. Умейте вовремя остановиться, чтобы осталась возможность достойного выхода из конфликта.

10. Дорожите собственным уважением к самому себе, решаясь идти на конфликт с детьми.

Чтобы сохранить любовь и уважение своих детей-подростков, используйте правило шести «не»:

1. Не следует видеть в самостоятельности подростка угрозу его лишиться.

2. Не столько самостоятельность нужна подростку, сколько право на нее.

3. Не принуждайте подростка делать то, что вам нужно, постарайтесь представить все так, чтобы он сам этого захотел.

4. Не злоупотребляйте опекой и контролем, не перегружайте его своим вниманием.

5. Не создавайте в семье «революционную ситуацию», а если создали, то приложите все усилия, чтобы разрешить ее мирным путем.

6. Не забывайте слова И. В. Гете: «В подростковом возрасте многие человеческие достоинства проявляются в чудачествах и неподобающих поступках». Иначе говоря, не высмеивайте и не ругайте чудачества подростка.

Учитывайте, что подростковому возрасту присуще следующее:

1. Подросток стремится к тому, чтобы перестать быть ребенком.

2. Подросток желает прекращения посягательств на свое физическое начало, неприкосновенность своего «я».

3. Подросток старается самоутвердиться в глазах сверстников.

4. Подросток выступает против замечаний и обсуждений, особенно ироничных, по поводу его физической зрелости.

5. Подросток пытается найти компромисс в отношениях с вами и другими взрослыми.

6. Подросток принимает только те замечания, которые сделаны доброжелательным и спокойным тоном, без использования ярлыков.

Родителям, имеющим трудности в разрешении конфликтов с подростками, а особенно проявляющим вышеописанные стили родительского поведения, можно посоветовать изменить свое отношение к детям в семье. Если же, в силу каких-либо причин, этого сделать самостоятельно не удастся, то желательно обратиться к специалисту для оказания психологической помощи.

Семья играет огромную роль в жизни всех ее членов, выполняя важные функции. Незавершенные конфликты способны нарушить благополучие семьи, травмировать ее членов или даже сделать ее дисфункциональной. Напротив, благополучно разрешенные конфликтные ситуации переводят семью на новый, более высокий уровень. Это актуально для всех видов конфликтов внутри семьи, в том числе и для конфликтов подростков с родителями.

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер 2013. 400 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М.: Смысл, Эксмо, 2005. 512 с.
3. Гиппенрейтер Ю. Б. Большая книга общения с ребенком. М.: АСТ, 2016. 496 с.
4. Головей Л. А., Рыбалко Е. Ф., Кулешова Л. Н. и др. Практикум по возрастной психологии: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2002. 694 с.
5. Карбанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
6. Кулькова Е. Я. Изучение особенностей родительско-детских отношений в семье // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–22 апреля 2011 г. СПб.: Изд-во СПбГИПСР, 2011. С. 93–96.
7. Олифиревич Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006. 360 с.
8. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. М.: Бахрах-М, 2011. 672 с.
9. Райс Ф., Должин К. Психология подросткового возраста. СПб.: Питер, 2014. 816 с.
10. Яничева Т. Г., Мансурова М. В. Исследование межпоколенных отношений в рамках системного подхода к изучению семьи // Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования, материалы конференции 2017 г. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 181–186.

References

1. Bozhovich L. I. *Lichnost i eye formirovaniye v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg: Piter Publ., 2013. 400 p. (In Russian).
2. Vygotsky L. S. *Psikhologiya razvitiya rebenka* [Psychology of child development]. Moscow: Smysl Publ., Eksmo Publ., 2005. 512 p. (In Russian).
3. Gippenreyter Yu. B. *Bolshaya kniga obshcheniya s rebenkom* [The large book of communication with a child]. Moscow: AST Publ., 2016. 496 p. (In Russian).
4. Golovey L. A. *Praktikum po vozrastnoy psikhologii* [Practicum in developmental psychology]. St. Petersburg: Rech Publ., 2002. 694 p. (In Russian).
5. Karabanova O. A. *Psikhologiya semeynykh otnosheniy i osnovy semeynogo konsultirovaniya* [Psychology of family relations and the basics of family counseling]. Moscow: Gardariki Publ., 2005. 320 p. (In Russian).
6. Kulkova Ye. Ya. *Izucheniye osobennostey roditelsko-detskikh otnosheniy v seme* [The study of peculiarities of parent-child relationship in a family]. *Psikhologo-sotsialnaya rabota v sovremennom obshchestve: problemy i resheniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 21–22 aprelya 2011 g.* [Proc. of the International Scientific and Practical Conference «Psychological and Social Work in the Contemporary Society: Problems and Solutions», April 21–22, 2011]. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work Publ., 2011, pp. 93–96 (in Russian).
7. Olifirovich N. I., Zinkevich-Kuzemkina T. A., Velenta T. F. *Psikhologiya semeynykh krizisov* [Psychology of family crises]. St. Petersburg: Rech Publ., 2006. 360 p. (In Russian).
8. Raygorodskiy D. Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Methodologies and tests]. Moscow: Bakhrakh-M Publ., 2011. 672 p. (In Russian).
9. Rice P. F. *The adolescent: Development, relationships, and culture*. Boston: Allyn & Bacon, 1975. 460 p. (Rus. ed.: Rice P., Dolgin K. *Psikhologiya podrostkovogo vozrasta*. St. Petersburg: Piter Publ., 2014. 861 p.).
10. Yanicheva T. G., Mansurova M. V. *Issledovaniye mezhpokolennykh otnosheniy v ramkakh sistemnogo podkhoda k izucheniyu semyi* [The study of intergenerational relations in the framework of systematic approach to the study of family]. *Psikhologiya XXI veka: sistemnyy podkhod i mezhdistiplinarnyye issledovaniya, materialy konferentsii 2017 g.* [Proc. of the Conference «Psychology of the XXI Century: A Systematic Approach and Interdisciplinary Research»]. St. Petersburg: Skifiya-print Publ., 2017, pp. 181–186 (in Russian).